

Александр Михайлович Маслов

ПОСЛЕДНИЙ ДВОР

г. Челябинск 2026 год

Александр Маслов

ПОСЛЕДНИЙ ДВОР

<https://litres.ru/74350653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём живёт в неблагополучном районе, где каждый шаг — это выбор между выживанием и совестью. Сначала он пытается просто держаться на плаву: устраивается на мойку, заботится о матери, поддерживает друга Костю, который борется с зависимостью. Но район не даёт быть «просто нормальным»: Артёма втягивают в чужую игру, заставляют быть чьей-то пешкой и платить по чужим счетам.

ПОСЛЕДНИЙ ДВОР - Это не про победу над системой, а про право на свой путь. Книга показывает, что взрослеть — значит признавать: я не справляюсь один, мне нужна помощь, и это не слабость. И одновременно это про цену, которую система требует за попытку выйти из неё.

Такой посыл работает и для подростков (они узнают свои страхи и сомнения), и для взрослых (они увидят, как устроена жизнь в кризисных районах и почему «просто поговорить» бывает самым трудным).

Содержание

Глава 1. «Первый день»	4
Глава 2. «Первая проверка на прочность»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Маслов

ПОСЛЕДНИЙ ДВОР

Глава 1. «Первый день»

Я выхожу из школы, и будто весь мир сразу давит на плечи. Не пафосно, не как в кино про «конец эпохи», а по-обычному, по-районному: душно, асфальт плавится, в воздухе висит эта знакомая вонь — бензин, пыль, чуть-чуть гнилых яблок из мусорки у ларька. Лето такое, что хочется просто упасть в тень и не шевелиться.

У меня в кармане — ноль. В голове — тоже не фонтан. Ни планов, ни идей, ни даже нормального предчувствия, что дальше будет хоть что-то хорошее. Просто день, который надо как-то пережить.

Я иду мимо гаражей, а там уже тусуются. Кто-то курит, кто-то гоняет мяч, кто-то просто стоит, смотрит волком и ждёт повода до кого-нибудь докопаться. Район не любит пустоты: если ты стоишь без дела — ты уже повод.

И тут из-за угла выныривает Костя. Мой кореш. Вечно на взводе, вечно ищет приключения, будто без них ему скучно жить.

— Эй, Тёма! Стой! — кричит он, машет рукой так, будто спасает меня от поезда. Хотя спасти тут не от чего — просто

не хочется быть одному.

Подлетает, хватает за плечо:

— Чего такой кислый? Выпуск, брат! Свобода!

Я пожимаю плечами:

— Да какая свобода... Дома мать опять на нервах, денег нет, а тут ещё эти... — киваю в сторону компании у гаражей.

Костя усмехается:

— Эти? Да они пустобрёхи. Главное — не показывай, что боишься. Тут нюх на страх как у собак. Чуть дрогнул — всё, ты на крючке.

Мы останавливаемся чуть в стороне, чтобы не лезть сразу в самую гущу. Но уйти тоже нельзя — уйдёшь, скажут: «зазнался» или «не свой». Район любит, когда ты на виду, но не слишком.

Тут к нам подтягивает Серый — один из местных гопников, тот, кто вечно собирает «на общак». Идёт вальяжно, будто это не двор, а его личный кабинет.

— О, молодёжь, — ухмыляется он, останавливаясь напротив. Взгляд цепкий, оценивающий. — Чё, выпускной? Значит, теперь взрослые. Взрослые должны помогать району.

Костя пытается сгладить:

— Да мы только вышли, Серый, дай передохнуть.

Серый не слушает. Он смотрит на меня:

— Ты новенький тут, что ли? Не помню.

Я качаю головой:

— Я тут сто лет живу.

— Тогда знаешь правила, — он чуть наклоняет голову, будто проверяет реакцию. — На общак кинь, сколько есть. Хоть сто рублей, хоть пятьдесят. Тут не про деньги, тут про уважение.

Внутри всё сжимается. Я знаю эту игру: если сейчас дашь — ты в системе. Если не дашь — будут проверять, насколько ты крепкий. А если побежишь — всё, клеймо на всю жизнь.

Костя делает шаг вперёд, загораживает меня чуть-чуть:

— Серый, он только из школы. Дай человеку день хотя бы. Завтра всё будет.

Серый прищуривается, будто взвешивает слова. Потом медленно кивает:

— Завтра. Но чтоб без фокусов. Район всё видит.

Он разворачивается и уходит, а я чувствую, как по спине ползёт холодный пот. Костя хлопает меня по плечу:

— Ну вот, пронесло. Пока. Но ты понял, да? Тут либо ты с ними, либо против них. А против — это быстро кончается.

Мы идём дальше, но шаг уже другой — быстрее, будто пытаемся уйти от того, что только что случилось.

По дороге встречаем Макса — парня из параллели, который вечно ходит в чёрном, с пряжами, закрывающими поллица. Гот, как их тут называют. Над ним ржут, но он не обращает внимания, будто у него своя частота, а все остальные — шум.

Макс стоит у стены, листает потрёпанный блокнот. Когда мы подходим, он поднимает глаза:

— Привет. Вы как будто от кого-то убегаете.

Костя фыркает:

— От реальности. Она тут больно кусачая.

Макс чуть улыбается, но улыбка выходит грустной:

— Если хотите, могу показать место, где никто не достаёт.

Подвал у старого ДК. Там ребята музыку гоняют. Тихо, без понтов.

Я смотрю на Костю. Он пожимает плечами:

— Почему бы и нет. Тут хоть не будут требовать «на обшак».

Мы спускаемся по бетонным ступеням, и с каждым шагом шум улицы становится тише. Здесь пахнет пылью, старым деревом и чем-то вроде надежды — такой, которую никто вслух не называет, но все чувствуют.

В подвале правда тихо. Несколько человек сидят на ящиках, кто-то крутит ручку усилителя, кто-то листает журнал. Никто не орёт, никто не проверяет, «свой» ты или нет. Просто место, где можно выдохнуть.

Макс садится на край ящика и говорит:

— Тут каждый приходит, потому что наверху слишком громко. А тут можно услышать себя.

Я сажусь рядом, прислоняюсь спиной к холодной стене и впервые за день чувствую, что могу нормально вдохнуть.

Но где-то внутри уже шевелится понимание: этот подвал — не навсегда. Район не отпускает просто так. И завтра придётся платить по счетам. Даже если ты к этому не готов.

Глава 2. «Первая проверка на прочность»

Я просыпаюсь от того, что солнце бьёт прямо в глаза через щель в занавеске. В комнате душно, будто воздух за ночь налился свинцом. На тумбочке вибрирует кнопочный телефон — Костя: «Выходи, надо поговорить». Выхожу во двор, и сразу всё встаёт на свои места: район не даёт забыть, кто ты и где твоё место. У гаражей снова тусовка. Серый стоит, прислонившись к ржавой двери, крутит в пальцах зажигалку. Рядом пара его пацанов — молчаливые, с этими пустыми взглядами, когда ты для них просто фигура, которую надо проверить. Костя подходит ко мне, говорит тихо, чтобы не слышали:— Слушай, Серый не шутил. Сегодня он будет спрашивать. Если не дашь — начнут прессовать. Тут не про деньги, тут про статус: либо ты в системе, либо мишень. Внутри всё сжимается. Я знаю, что у меня нет ни ста рублей, ни пятидесяти. Мать вчера отдала последние на хлеб, а я даже не стал спрашивать про остальное — видел, как у неё руки дрожат.— А если скажу, что нету? — шепчу. Костя смотрит на меня так, будто я спросил, можно ли не дышать.— Тут не слушают оправданий. Тут слушают, как ты держишь удар. Серый поднимает голову, замечает нас. Улыбка у него не добрая, а как лезвие — тонкая, острая.— О, выпускники.

Ну что, созрели? Я делаю шаг вперёд, чтобы не прятаться за Костей, хотя коленки предательски подрагивают. — Серый, слушай... У меня сейчас пусто. Но я найду. Честно. Он медленно кивает, будто взвешивает каждое слово. Потом усмехается: — Честно — это хорошо. Но район не живёт на «честно». Район живёт на деле. Так что давай так: сегодня ты сделаешь коечто для нас. И мы закроем вопрос. Внутри холодеет. Я уже понимаю, что «коечто» — это не сходить в магазин за сигаретами. — Что надо сделать? Серый делает шаг ближе, понижает голос, но в нём появляется эта спокойная угроза, от которой хочется вжаться в стену: — Видишь тот ларёк на углу? Там мужик держит кассу в ящике под прилавком. Сегодня он её не закроет. Ты зайдёшь, отвлечёшь его разговором, а наши ребята заберут ящик. Ты просто будешь стоять и смотреть, чтобы никто не подошёл. Я чувствую, как земля уходит изпод ног. — Я не буду в этом участвовать, — выдавливаю. Улыбка Серого становится шире, но в глазах — лёд. — Ты уже участвуешь. Ты просто ещё не понял. Или ты делаешь это, или мы найдём другой способ объяснить тебе, как тут всё устроено. Костя кладёт руку мне на плечо, чуть сжимает — не как друг, а как будто пытается удержать меня от падения. — Тёма, не лезь на рожон. Просто сделай, как говорят. Потом разберёмся. Я смотрю на Костю, и в этот момент понимаю: он уже давно разобрался. Он уже здесь, внутри этой системы, и вытащить его оттуда будет сложнее, чем просто уйти самому. — Нет, — говорю, и сам удивляюсь, что голос

не дрожит. — Я не буду никого отвлекать. Не буду помогать грабить. Серого это не злит. Он будто ждал этого ответа. Кивает своим пацанам. Один из них подходит ко мне вплотную, хватает за воротник, дёргает так, что я едва не теряю равновесие. — Значит, будешь платить другим способом, — говорит Серый спокойно. — Сегодня вечером придёшь к гаражам. И покажешь, что ты не трус. Пацан отпускает меня, но взгляд не отводит. Я стою, пытаюсь выровнять дыхание, а внутри всё кричит: «Беги!» Но бежать некуда — район маленький, и все знают, где я живу. Мы с Костей отходим в сторону, и только тогда я позволяю себе выдохнуть. — Зачем ты так? — шипит Костя. — Ты же знаешь, как тут бывает. Если не сделаешь, они найдут, за что зацепиться. — Я не хочу быть частью этого, — отвечаю. Костя смотрит на меня долго, будто пытается разглядеть в моём лице того самого Тёмы, с которым мы ещё вчера гоняли мяч и мечтали свалить отсюда. — Тогда готовься, — тихо говорит он. — Потому что сегодня вечером они придут. И это будет не разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.